

У именитой семьи Ю из города Х и их родственников, семьи Бай, был один общий секрет. Тайна, которая три года терзала сердца обоих кланов.

Три года назад у главы корпорации Ю, Ю Чжилая, и его супруги Бай Сюэцин должен был родиться второй ребенок — Ю Лу. Семьи ждали этого момента долгих десять месяцев.

Ю Чжилай ласково прижимал ладонь к животу жены, чувствуя каждое движение плода. На его красивом лице играла нежная улыбка. Склонившись, он запечатлел на округлившемся животе легкий поцелуй.

— Как же нам назвать нашего малыша? — Бай Сюэцин перебирала пальцами волосы мужа.

Ю Чжилай прислонился щекой к ее животу, прислушиваясь к тому, что происходит внутри.

— Может быть, Бай Лу? — предложил он, негромко рассмеявшись. — Гляди, как он постоянно толкается, точь-в-точь как резвый, непоседливый олененок.

— Старший уже взял мою фамилию, — мягко возразила Бай Сюэцин. — Я хочу, чтобы младший носил твою.

Ю Чжилай поднял голову и посмотрел на любимую жену. Он мягко прищурился, и в его светло-карих глазах отразился силуэт Бай Сюэцин.

— У моей жены такая красивая фамилия, да и роды — дело тяжелое, — он переплел свои длинные пальцы с ее рукой. — Разве не справедливо, если ребенок возьмет фамилию матери?

Солнечный свет золотил бледную кожу Бай Сюэцин. Она расплылась в ослепительной улыбке и крепче сжала руку мужа.

— Но и у моего мужа фамилия прекрасная. Я хочу, чтобы и у нашего второго сокровища она была такой же звучной. Пусть его зовут Ю Лу.

***

Время в томительном ожидании шло своим чередом. Наступил срок родов, но маленький Ю Лу, казалось, вовсе не спешил появляться на свет. Прошло три дня, а ребенок так и не подал знака.

Внезапно сердцебиение плода начало слабеть. Врачи настояли на экстренном кесаревом сечении.

Ю Чжилай вместе со старшим сыном, Бай Сунье, замер под дверями операционной. Дедушки и бабушки с обеих сторон ждали появления Ю Лу, затаив дыхание. Однако вместо радостного крика младенца их встретила жестокая весть: новорожденный признан «человеком-растением».

Обследования мозга и внутренних органов не выявили никаких патологий. Даже светила медицины не могли объяснить, почему ребенок не приходит в себя.

Минуло три года, но Ю Чжилай и Бай Сюэцин ни на мгновение не допускали мысли о том, чтобы сдаться. Семья тратила баснословные суммы на поддержание жизни младшего сына, бережно заботясь о его теле в надежде, что однажды эти глаза откроются.

Его брат, Бай Сунье, каждый день навещал Ю Лу в больничной палате. Он рассказывал ему о школьных новостях и порой шепотом доверял спящему брату свои маленькие печали.

Опершись на край мягкой постели, Сунье вдыхал въевшийся в одеяла запах дезинфекции. Он не отрывал взгляда от бледного личика брата — тот казался почти прозрачным из-за того, что редко видел солнце.

— Братишка, когда же ты наконец проснешься? — едва слышно прошептал Бай Сунье. — Скоро Новый год. Все ждут тебя, чтобы встретить его вместе.

Маленький Сунье обычно не отличался словоохотливостью. С самого рождения на него возлагали большие надежды, и он привык держать себя в руках, ведя себя в свои юные годы как настоящий взрослый. Родители в шутку называли его «благородным сыном», а сверстники величали не иначе как «молодым господином Баем».

Но здесь, у постели брата, он без умолку болтал о всяких пустяках:

— В Новый год будет так весело! Папа сам приготовит ужин, мама подарит нам подарки, а дедушки с бабушками соберут для нас огромные красные конверты с деньгами. Просыпайся скорее... Я буду играть с тобой, я отдам тебе всё, что захочешь... Только проснись.

Он осторожно коснулся мягкой ручки Ю Лу, едва приобняв её пальцами, боясь причинить боль.

— Пожалуйста, открой глаза. Ну же?

Бай Сунье замер в ожидании. Каждый день он приходил сюда с надеждой, и каждый раз эта надежда тонула в разочаровании.

Но сегодня всё было иначе.

Сунье, продолжая что-то тихо рассказывать, вдруг почувствовал, как крошечные пальцы в его ладони едва заметно дрогнули. Он вскинул голову, впившись взглядом в лицо брата.

Ресницы Ю Лу, от природы длинные и густые, густой тенью лежали на щеках. То ли от сквозняка, то ли от дыхания Сунье, а может, и впрямь сами по себе — они затрепетали.

Сунье затаил дыхание. Он медленно склонился к лицу брата. Ресницы дрогнули снова. Раз, другой, третий...

Ю Лу медленно открыл глаза. Он растерянно сфокусировал взгляд на мальчике перед собой, и его карамельные глаза были подернуты дымкой беспамятства. По щеке Сунье скатилась одинокая хрустальная слеза. Это был единственный раз за всё его детство, когда он плакал, и эти слезы принадлежали его любимому брату — Ю Лу.

***

Ю Лу очнулся. Для семей Ю и Бай это стал самый счастливый день за последние три года. Палата наполнилась суетой: врачи сновали туда-сюда, проводя бесконечные тесты, а родственники не отходили от кровати, их радость была почти осязаемой.

Даже когда доктор произнес:

— Из-за длительной комы развитие мозга, скорость реакции и когнитивные способности ребенка могут быть ниже, чем у сверстников...

Ни Ю Чжилай, ни Бай Сюэцин не почувствовали разочарования. Для них само пробуждение сына стало величайшим даром небес. Наконец-то они могли начать всё заново.

— Но дети восстанавливаются быстро. Вполне вероятно, что по мере роста эта задержка исчезнет, — добавил главврач больницы. Он поправил очки, и на его морщинистом лице расцвела добрая улыбка. — Господин Ю, господин Бай, не стоит излишне беспокоиться.

В глазах Ю Чжилая, таких же светлых, как у сына, заблестели слезы. Он не в силах был сдержать чувств и просто крепко обнял жену, шепча:

— Лишь бы он был здоров... Большого и не надо.

Бай Сюэцин, чье лицо обычно отличалось властной, яркой красотой, теперь сияло мягкостью. Она не могла оторвать взгляда от маленького человечка, окруженного врачами. Каждая секунда вдали от него казалась ей потерей.

— Главное — что он с нами. Нам больше ничего не нужно.

***

Ю Лу, лежа в палате под прицелом медицинских инструментов, отрешенно смотрел на незнакомцев. В его голове не умолкая звучал чей-то голос.

[Хозяин, вы меня слышите?]

Мягкий, милый голосок, похожий на детский, настойчиво доносился из самых глубин сознания.

[Я ваша Система 520! Пи-пи~~]

Ю Лу не отвечал. Он погрузился в воспоминания.

Его звали Ю Лу. Он умер в сто девятнадцатом году эпохи династии Юэцзин. В тот год на трон взошел Фэн Юэ — беспутный наследный принц, в которого никто не верил. Ю Лу погиб от его меча в день коронации.

Они познакомились, когда Ю Лу было тринадцать. С того дня Фэн Юэ называл его своим ближайшим соратником. Ю Лу верил, что это единственный правитель, за которым стоит следовать, единственный настоящий друг.

Шесть лет он отдавал все силы, расчищая Фэн Юэ путь к власти, шел сквозь тернии и заговоры, но в миг триумфа получил лишь холодную сталь в грудь.

«Друг мой Ю Лу, ты слишком мудр».

Молодой император смотрел на кровь, сочащуюся из раны Ю Лу. В его глазах стояли слезы, но он выглядел решительным, словно человек, который наконец-то избавился от тяжкого бремени.

«Никто не знает меня лучше, чем ты, — произнес он, усмехнувшись. — Но ты — скрытая угроза для Фэн Юэ. Таким, как ты, не место в этом мире».

Жизнь Ю Лу оборвалась в девятнадцать лет. Но душа не исчезла.

Он видел, как его отец и старший брат со смехом обсуждали его смерть, не выказав ни капли скорби.

«Мой сын Ю Лу был одарен с колыбели, но ум его стал слишком коварен. Он помог королю достичь величия, но знал слишком много тайн. Вот и накликал на себя беду. Видно, судьба его

была коротка», — со вздохом произнес Отец Ю, глядя в сторону дворца.

Он словно предвидел такой финал. Качнув головой, старик обернулся к старшему брату Ю Лу с видом полного удовлетворения. Тот почтительно налил отцу вина.

«То ли дело его брат: простодушен, не шибко умен, ни с кем не спорит. Такая жизнь уж точно будет долгой и счастливой».

Отец Ю пригубил прозрачное вино.

Душа Ю Лу три года скиталась по столице, прикованная к миру живых. Он видел, как на чувстве вины императора Отец Ю и его брат возвысились, заняв высокие посты. Роскошные жены, щедрое жалованье, почет и толпы подхалимов — и ни единого слова о том, кто на самом деле проложил им эту дорогу.

Спустя три года дух Ю Лу стал почти прозрачным. Он парил над сияющей золотом Резиденцией Ю, слушая шум пиров и звон кубков. В тот миг, когда его сущность готова была развеяться прахом, из его правого глаза выкатилась алая, как кровь, слеза. Она обожгла щеку, принеся с собой невыносимую, удушающую боль.

В мозгу раздался странный треск и шипение — звук, напоминающий электрический разряд, которого человек древности не мог знать. Для него это было похоже на копошение неведомых насекомых в самой глубине исчезающей души.

Детский голос, то приближаясь, то отдаляясь, произнес:

[Заблудшая душа Ю Лу обнаружена. Привязка системы...]

[Вход в Пруд Перерождения...]

Снова треск.

[Врата новой жизни открыты.]

Прежде чем окончательно погрузиться в темноту, Ю Лу ощутил, как жгучая боль под глазом становится нестерпимой. Услышав слово «новое рождение», он, преодолевая страдания, дал себе клятву:

«Если в мудрости мой грех...»

«То в новой жизни я стану последним дураком».

<http://bllate.org/book/17465/1647279>